

Д. В. и Л. В. Ивановым

26 декабря 1926. Павия — Рим

<...> Нравятся мне, далее, до чрезвычайности Ваши, быстроумная Дочь моя, рассуждения, и, согласно Вашему желанию, чтобы на «доморощенные» (я бы сказал: самопрозревательные) соображения Ваши был дан ответ, отвечаю от скудости чужеумия (книгоумия) моего нижеследующее.

Факт международной общности сказочных сюжетов и мотивов (ученые различают эти два вида), правильно тебя поразивший, объясняется в науке теорией «бродячего сюжета», отцом коей считается англичанин Benfey; наш великолепный Александр Веселовский ее видоизменил и развил. <...> По этой теории, колыбелью всех сказочных (и романтических) бродячих сюжетов является Индия. Оттуда они распространяются, частью на восток, в Китай, из Китая в Сибирь и поворачивают на Запад, через Россию, в зап<адную> Европу; частью, через Персию, на запад, в Малую Азию (родину древнегреческой сказки и древнегреческого романа, «Милетские сказки») и в Византию, откуда в средние века кочуют на Запад. Западные идут на восток, восточные на запад. Для отдельных сюжетов можно проследить их итинерарий. Конечно, эти бродячие сюжеты заключают в себе элементы древнейшего религиозного мифа, но весьма затемненные. Религиозного значения эти рассказы уже давно не имеют (как и в «Одиссее» Гомера мы имеем уже только сказку, лишенную своего первоначального религиозного смысла), — что не мешает им, однако, при случае проникнуть в какую-нибудь религиозную легенду, miraculum или житие святого. — Гораздо более древний пласт фольклора представляют собою собственно религиозные мифы, которые сквозят у нас, например, в былинах о Святогоре или о том, как богатыри перевелись на Руси. Часть этих мифов тоже кочует и переходит от народа к народу (напр<имер>, о дереве и змее, о плавающем ковчеге — или бочке — с матерью и младенцем, божьим

сыном); другие же, поразительно схожие или почти тождественные, не могут быть объяснены заимствованием и кажутся самопроизвольно возникшими у самых отдаленных один от другого народов в силу общих типических законов первобытного мифологического мышления (напр<имер>, происхождение мира из частей расчлененного божества мужского или женского пола, или космической конской жертвы, по представлению индусов). Свести этот древнейший пласт религиозных представлений и связанных с ними обрядов к единству до сих пор не удалось, и утверждать единство первоначальной религии (как и первоначального языка) — дело рискованное. Тем не менее было распространено в нач<але> XIX в. Мнение (Kreuzer), что религии возникли из некоей единой. И что эта первобытная единая религия была верою в единого Бога (монотеизм), до сих пор утверждают (хотя и без достаточных доказательств) клерикальные историки религий. Здесь трезвый исследователь ставит вопросительный знак (*ignoramus*), или даже говорит: нет. Для христианского миропонимания все это не имеет основного значения, потому что относится к формам божественного откровения в Ветхом Завете Бога с человеком: христианство полагает во главу угла историческое событие, совершившееся всего только 19 веков тому назад: рождение и жизнь Иисуса Христа на земле и Его воскресение. Поэтому, если бы и была доказана единая общая для всех людей первоначальная религия, это не изменило бы ни иоты в христианском понимании исторического процесса. Забелин же рассказ заставил меня от души и долго смеяться наедине с самим собою. М<ожет> б<ыть>, и в самом деле ее знакомые говорят на праязыке? Но зачем ей нужно было учиться по-португальски, собираясь в Австралию, где на португальском никто, кажется, не говорит? Это была первая, трагическая вина.

В пятницу — *vigiliadiNatale* — я пошел утром в маленькие бедные комнатки отца Майокки исповедоваться; его домик во дворе старой-старой лонгобардской церкви S. Michele, против романской абсиды, — очень живописно и романтично. Он спросил, хочу ли я идти в церковь («не будет ли там холодно?»), или у него. Я предпочел у него дома, п<отому> ч<то> в комнате лучше слышно друг друга. Но и у него, бедного, холодно. Хороший отец Майокки, очень хороший! Подарил мне молитвенник. Очень правильно присоединился я к католической церкви. Никакой духоты нет, — ни эллина, ни иудея, — в национальной церкви как-то человека в религиозном смысле не чувствуешь, нет простора, в котором говорят друг с другом Бог и Человек. И какие молитвы у них, в обиходном молитвеннике: о евреях, о мусульманах, о язычниках. Впрочем, все это отвечает моей, личной потребности и моему периоду душевной и духовной жизни и было бы, может быть, совсем не то для другого характера

или другого периода жизни. После завтрака в этот день Дон Рибольди посадил меня и сам сел в карету, и мы поехали по снегу к синдако, поздравлять его, ибо в это утро был он торжественно «insediato» в качестве podestá. Многочисленные consiglieri, к радости Рибольди, были разогнаны (хотя давно они все уже сделались фашистами, и никакой «демократической», или «либеральной», или «социалистической» оппозиции не представляли). <...> Проф. Ваккари кажется мне человеком просто слабым. Он немножко робеет и конфузится, — напр<имер> беспорядка, причиненного сыном, в его кабинетике — что было бы даже симпатично, если бы я не видел, что это проистекает от слабости. А на слабого человека полагаться нельзя, он будет всегда под чьим-нибудь влиянием. <...> В праздник я наедине и плакал, и смеялся. Плакал, перечитывая несколько Вериных писем из Голубого; там же и письмо Димы к Царю-Барану. Прочел и несколько Лидиных римских писем 1895 года. Смеялся, читая «Пулю Времени». Кроме того, прочел за эти дни дивный детективный роман «A voice from the dark». Но, увы, больше нет для меня веселого чтения. Не только детективного, но и никакого английского, ниже французского романа. <...>

НВ. Насчет «исконно или самобытно русского» твой скептицизм, Лиденька, вполне разделяю. Как артишок, или капуста кочан, — никакого само-артишока или само-капусты в сердцевинке не найдешь ни у кого. Все общее. Но по-разному, в русском стиле выявляет себя личность равно индивидуума или нации, говоря и делая общее всем. Нужно быть самим собой и делать общее — личность тут и скажется. Данте итальянец потому, как он свое дело делает или, вернее, как оно у него выходит (а не потому, что много занимается Флоренцией). Шекспир потому же англичанин, а Достоевский — русский. И русская революция очень (хоть отбавляй) русская (ох, горюшко наше! удавленная наша!), хоть и евреи ей помогали и хоть она по Марксу была делана. Кто теряет душу свою в общем деле (забывает о своей личности), тот и находит ее; а кто бережет, потеряет. Пушкинские сказки подлинно русские, п<отому> ч<то> писал их Пушкин, — потому, как они рассказаны, а не потому, что их содержание исконно русское.

